

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Историзм как принцип становления субъектности.

Либерман Самсон Александрович

Студент

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Философский факультет, Казань, Россия

E-mail: tupitsa@list.ru

Под историзмом я понимаю именно диалектический историзм, то есть представления об истории, основывающиеся на 2 принципах:

- 1) Каждый предмет является историческим событием, имеющим свою историю, своё уникальное место в ней, которое может занимать только он, и он может находиться только в этом месте. Если говорить хайдеггеровским языком, каждая вещь имеет свой, принадлежащий только ей мир, в котором и только в котором она и может существовать в своей самобытности, в своей сущности.
- 2) Представление об истории как едином, неделимом на сущностном уровне процессе. Представление о «сущности» истории, об истории как особом типе реальности, движущимся по собственным, наиндивидуальным законам, истории как разворачивания необходимости, закономерности. Истории как разворачивания идеи, разума.

Эти два принципа связаны диалектически, то есть представление о всеобщей единой истории без выделения уникальных не сводимых друг к другу стадий логически невозможно, поскольку в итоге мы всегда так или иначе будем попадать в ситуацию мифа, где отсутствует, собственно, само историческое измерение. Равно как и отсутствие представлений об истории как о едином процессе, отсутствие исторической необходимости выбрасывает нас в ситуацию исторического релятивизма, где мы не можем говорить ни о какой «объективной» истории вообще. Мы сами как историки оказываемся несостоятельны, равно как и сам принцип релятивизма не может претендовать на универсальность и всеобщность, поскольку сам (релятивизм) её (универсальность) отрицает.

Подобное представление об истории, представление об «истории вообще» возможно только там, где история начинает восприниматься как моя история, как то, продуктом чего я являюсь с одной стороны, и как то, что является частью меня самого с другой стороны. Философская история, а вместе с ней и философия истории, появляется там и тогда где и когда появляется нововременный субъект, а вместе с ним и нововременные формы социальности. Иначе говоря, до того, что Согомонов и Уваров называют рождением Социального, представление об «его истории», как о чём-то отличном от «моей истории», равно как и представление об «истории вообще», где мы оба оказываемся проявлением чего-то третьего, уникальными этапами его становления, просто не могло существовать. Оно не могло существовать в силу просто отсутствия этого самого субъекта, способного как-то отнестись к своей социальности, историчности, нет никого, способного просто увидеть её.

Здесь надо помнить тот гегелевский ход в определении сознания. Сознание, и историческое самосознание не исключение, не просто видит себя, смотрит на себя. Оно и есть, собственно, этот взгляд, всматривание в себя, тем самым и полагание себя как субъекта, и существование, а скорее, бытие в качестве такового. Возвращаясь же к историческому самосознанию, всматривающемуся в собственную историчность и социальность, можно сказать следующее: «пока некому смотреть, то и смотреть-то, собственно, не на что».

Однако Гегель считает наоборот: рождение субъекта – есть конец истории. Вся история, по Гегелю суть освобождение субъекта от истории. И здесь становится ясной другая сторона отношений между историей и субъектом. Субъект является не столько порождением истории, сколько порождающим её, он является в подлинном смысле субъектом истории. Конец истории – суть точка, откуда сознание полагает бытие, и сбывается как сознание. Историческое бытие, есть ретроспективный конструкт, объект, начало которого находится, на самом деле, в его конце. Я не могу мыслить историю, не находясь в самом её конце. Событие историзма есть событие сознания, событие в котором сознание единомоментно полагает бытие, познаёт его и узнаёт в нём себя.

Субъект вырачивает историю из себя и, в то же время, вырачивает себя из истории, процесс объективации есть также и процесс субъективации, сбывание себя как субъекта. Однако подобное «выращивание себя» есть перманентное усилие, тот самый ежедневный подвиг Мюнхгаузена, который сам себя вытаскивает из болота за волосы. Субъект есть усилие быть таковым.

Каждый человек для сбывания себя как, собственно, человека, как свободного субъекта вынужден выстраивать «свою историю», включая тем самым себя в «историю вообще», присваивая её, и, как ни странно, тем самым порождая эту историю вообще. История есть результат моей деятельности, я есть продукт истории. Невозможно мыслить себя иначе как субъект, а субъект – мыслить вне его истории, поскольку субъект – это и есть его история, с одной стороны как то, чем он был, с другой, как то, чем он уже не является. Причём эта субъективация есть всегда усилие над собой, прыжок выше собственной головы, вытягивания себя за волосы, и в этом смысле человек всегда будет бесконечным «Imperfektum», то есть прошедшим и несовершенным. То есть Субъект это не нечто случившееся на рубеже XVI-XVII веков, в работах Гегеля или во времена Сократа. Субъект – это то, что случалось и там и там и там и периодически продолжает случаться почти в каждом из нас.

Литература

1. Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. М.: Наука, 2001.
2. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. — М.:Европа, 2007.
3. Гегель. Лекции по истории философии. — СПб.: Наука, 1993—1994. — (Слово о сущем).
4. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. -М.: Мысль, 1990.